

ШОКОВАЯ ТЕРАПИЯ ПО ПАВЛУ

При лечении страхом важно соблюсти дозу

В действиях Путина есть один аспект, который отличает нашего нового лидера не только от его предшественника, но и от всех, кто правил в Кремле после 1953 г. Если от Сталина до Ельцина шел фактически непрерывный процесс расширения «прав и вольностей» элиты (и косвенно — расширения общей свободы), то сейчас элита впервые за почти пятьдесят лет столкнулась с тем, что ее «царство свободы» не расширяется, а сужается. Это напоминает ситуацию, когда после длительного послепетровского периода последовательного, от царствия к царствию и из года в год, расширения «вольностей шляхетства» вдруг воцарился Павел I.

И тогда, и теперь это вызвало шок. Люди уже привыкли, что они — свободные и важные, их уже очень давно не пороли, не ссылали, не казнили, имущество не отбирали, и, естественно, что они «возомнили о себе». И вдруг им «указали на место», напомнили, что они — слуги и что никаких незыблемых гарантий их положения нет, оно полностью зависит от милости монарха. Как же реагируют люди, переживающие такой шок? Мы видим сейчас три уровня и типа реакции. У громадного числа представителей элиты либо стремления и кругозор не выходят за пределы их сугубо личных интересов, либо сохраняется генетический страх власти и генетическое холопство. Такие люди бегут записаться в слуги к новому хозяину. Некоторые делают это грубо и примитивно, прямо и без затей вступая в разного рода группы поддержки нового лидера, например в «Единство». Другие — используя различные формы самообмана и пытаясь сохранить лицо. Сделать это не так уж сложно. Ведь любой авторитарный властитель, борясь со свободой, борется и с какими-то видами социального зла, возникшими или усилившимися в условиях свободы. Поэтому надо только переключить внимание с ограничения свободы на другие аспекты деятельности властителя («ведь мы же не можем отрицать, что стране нужен порядок, что произвол губернаторов надо обуздать, что воровство олигархов надо прекратить, ведь мы сами это всегда говорили»). Такая реакция очень распространена, и в разных сборищах в поддержку Путина можно было увидеть поразительно приличных людей. Это неудивительно. Удивительно, что реакция конформизма (в обоих его вариантах — примитивном и завуалированном) — далеко не всеобщая. Традиционный русский парализующий страх власти за годы постоянного роста вольностей успел в нашей элите в какой-то мере выветриться.

Второй тип реакции, более «высокого уровня», — это коллективная защита корпоративных интересов, сплочение перед лицом опасности («возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке»). Наиболее четко такую реакцию явили губернаторы, что облегчалось наличием у них своего корпоративного органа — Совета Федерации — и тем, что их сообщество лишь в очень небольшой мере разъедается конкуренцией. Бизнес-сообщество, такого органа не имеющее, раздираемое склоками и противоречиями (еще недавно его члены «заказывали» друг друга), естественно, проявило меньшую сплоченность. Тем не менее коллективное письмо в поддержку Гусинского и идея общей встречи с Путиным для «выяснения отношений» и установления «правил игры» — проявление той же корпоративной тенденции. Из трех групп, по которым

пришлись путинские удары (региональные элиты, олигархи и СМИ), наименьшую корпоративную солидарность проявили, пожалуй, журналисты, однако и среди них многие поддерживали Бабицкого и коллег из «Медиа-Моста». Но в какой-то мере уже проявляется и третий тип реакции, когда люди поднимаются выше частных и корпоративных интересов до уровня идеологического, когда, защищая свое кровное, они начинают апеллировать к интересам общенациональным. И не только апеллировать, но и реально о них думать. Поскольку среди нашей элиты есть люди с чувством собственного достоинства (все-таки — второе «непоротое поколение»), переживающие путинскую атаку как личное унижение и несправедливость, появление такой реакции совершенно закономерно. Ведь нельзя серьезно бороться, не обращаясь к народу, но смешно обращаться к народу с жалобами на то, что у тебя отнимают богатство. Нет, ты обязан убедить и других, и самого себя, что речь идет о судьбе демократии, о будущем страны и т. п. Ты должен найти какое-то объяснение тому, что происходит, в какой-то мере переосмысливая и свою собственную роль, вырабатывать альтернативную авторитарной и привлекательную для масс программу. Боюсь сглазить, но что-то в этом роде, похоже, намечается. Разумеется, Гусинский и его команда защищают свой бизнес. Но они защищают и большее — свое человеческое достоинство, свои права, справедливость, свободу слова. В какой-то мере они уже начали переосмысливать свою прошлую роль (ведь сказал же Гусинский, что поведение НТВ в 1996 г., возможно, было ошибкой). Если большинство губернаторов думают только о своей безопасности, своем статусе, то Николай Федоров, выдвинувшийся на роль их лидера и выразителя «общегубернаторских» интересов, защищает не только эти интересы, но прежде всего принципы федерализма и разделения властей. Даже фронда Березовского относится к пародийно-гротескному варианту той же тенденции.

Пока это лишь слабая тенденция. Но не может ли она развиваться и от чего это зависит? Я думаю, что для развития в этом направлении нужен определенный уровень страха, порождаемого президентским авторитаризмом. Если такого страха вообще нет, как его не было при Ельцине, у элиты нет и стимулов к размышлениям и поискам, ей просто не для чего думать ни об ограничении президентского самовластия, ни о самоограничении. Но если страх станет слишком сильным, парализующим, элита начнет думать только об индивидуальном выживании, все станут в панике давить и предавать друг друга. Страх должен быть средним — не слишком большим и не слишком маленьким.

Мне кажется, что сейчас как раз такой уровень страха и есть основания надеяться, что он не достигнет стадии, на которой возникает интеллектуальный и моральный паралич. Авторитарные и тоталитарные ресурсы в российском обществе не так уж велики. Построить в России такую систему всеобъемлющего контроля, как в Северной Корее, уже просто невозможно. Да похоже, что и психологические ресурсы самого Путина тоже ограничены. Путин — человек, преданный, как и Павел I, идее порядка, понимаемого как беспрекословное послушание начальству. Но вряд ли кто верит, что он хочет национализировать весь крупный бизнес, пересажать всех губернаторов и олигархов. Это — человек, который способен сказать: «Я не мог дозвониться до Генерального прокурора». Такой человек может, конечно, вызвать страх, но все же не панический и не парализующий.

Пословица говорит, что благими намерениями вымощена дорога в ад. Если это так, то неблагие намерения иногда могут привести к чему-то приличному. Наш президент вполне определенно хочет построить на месте авторитарного государства, в котором авторитаризм умерялся специфическим пофигизмом и любовью к выпивке, еще более авторитарное аскетически-дисциплинированное

государство. Но как это всегда бывает с человеческими замыслами, попытка реализации путинской программы, кроме предвидимых им следствий и результатов, обязательно будет иметь и непредвиденные. И они могут оказаться принципиально иными и более полезными для страны, чем ожидаемые. Путин, как в свое время Павел, заставляет наш элитарный слой увидеть печальную реальность своего собственного, созданного своими же руками бесправия. («Вы сами создали это государство», — резонно указал президент встревоженным бизнесменам.) После шока, испытанного при Павле I, появилось новое поколение дворян, думавшее и заботившееся уже не только о сословных интересах, разрабатывавшее планы переустройства России и выдвинувшее декабристов. Надо надеяться, что аналогия павловского и путинского времени на этом кончается. Для победы правового государства нам нужно не так уж много. И если шок, переживаемый сейчас нашей элитой, послужит началом ее трансформации из лишенной чувства ответственности массы хапающих индивидов в элиту, стабильность и гарантированность положения которой обеспечивается ее готовностью к самоограничению и способностью думать не только о себе, значит, Путин выполнит объективно благую миссию.